

Гусарова Марина Александровна

ПРОБЛЕМА КРИЗИСА ПРАВОСОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА XIX - НАЧАЛА XX В.

В статье рассматриваются идеи представителей русского консерватизма второй половины XIX - начала XX в. о сущности кризиса правосознания. На примере взглядов К. Н. Леонтьева, Н. Я. Данилевского, Н. Н. Страхова, К. П. Победоносцева и Л. А. Тихомирова кризис правосознания характеризуется как одно из фактических проявлений кризиса духовности в российском обществе, обострившегося в результате конфликта западноевропейских и традиционно русских ценностей и норм. В статье подчеркивается актуальность идей консерватизма в их универсально-антропологической интерпретации в современных условиях построения правового государства и гражданского общества в России.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/3-2/13.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(77): в 2-х ч. Ч. 2. С. 57-60. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

8. Соколова Н. Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху [Электронный ресурс] // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3 (8). URL: [http://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2012/IJCR_03\(8\)_2012.pdf](http://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2012/IJCR_03(8)_2012.pdf) (дата обращения: 29.12.2016).
9. Сурова Е. Э. Трансформация европейской модели идентичности в процессе глобализации: автореф. дисс. ... д. филос. н. СПб., 2006. 42 с.
10. Хайдеггер М. Отрешенность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/HEIDEGGER/gelassen.txt> (дата обращения: 29.12.2016).
11. Bergen D., Davis D. Influences of Technology-Related Playful Activity and Thought on Moral Development // American Journal of Play. 2011. Vol. 4. № 1. P. 80-99.
12. Calacanis J. Web 3.0, the "Official" Definition [Электронный ресурс]. URL: <http://calacanis.com/2007/10/03/web-3-0-the-official-definition/> (дата обращения: 29.12.2016).
13. Chard S. M. Building a Virtual Classroom: an Education Environment for the Internet Generation. Wellington: Whitireia New Zealand, 2011. 271 p.
14. Horrocks I. Ontologies and the Semantic Web // Communications of the ACM – Surviving the Data Deluge. 2008. Vol. 51. № 12. P. 58-67.
15. Krottmaier H., Maurer H. Transclusions in the 21st Century // Journal of Universal Computer Science. 2001. № 7 (12). P. 1125-1136.
16. Leiner B. M., Cerf V. G., Clar D. D. A Brief History of the Internet // ACM SIGCOMM Computer Communication Review. 2009. Vol. 39. № 5. P. 22-31.
17. Nelson T. H. File Structure for the Complex, the Changing and the Indeterminate // Proceedings of the ACM 20th National Conference. N. Y.: ACM New York, 1965. P. 84-100.
18. Rheingold H. Smart Mobs: The Power of the Mobile Many // Smart Mobs: The Next Social Revolution. Cambridge, MA: Perseus Publishing, 2002. P. 163-164.
19. Turkle S. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. N. Y.: Basic Books, 2012. 384 p.
20. Turkle S. Interview for "Digital Nation. Life on the Digital Frontier" [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/digitalnation/interviews/turkle.html> (дата обращения: 29.12.2016).
21. Zimman L., Hall K. Language, Embodiment, and the "Third Sex" // Language and Identities. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. P. 166-178.

MECHANISMS OF THE INDIVIDUAL'S REIDENTIFICATION IN THE CREATIVE ENVIRONMENT WEB 3.0

Gromov Petr Evgen'evich
Saint Petersburg University
petergromov@yandex.ru

The purpose of this article is to identify influence of the creative environment Web 3.0 on identity of the individual, and in connection with it the stages of development of the Internet are considered, their changeable influence on the individual and society is shown. The author's conception of the creative environment Web 3.0 is determined, for the first time special influence of the Web 3.0 epoch on specificity of the human's identity formation is indicated. Possibility of reidentification of the individual through this environment is proved and variants of its use in sociocultural design are suggested.

Key words and phrases: identity; identification; reidentification; Web 3.0; Internet; creative environment.

УДК 101.1

Философские науки

В статье рассматриваются идеи представителей русского консерватизма второй половины XIX – начала XX в. о сущности кризиса правосознания. На примере взглядов К. Н. Леонтьева, Н. Я. Данилевского, Н. Н. Страхова, К. П. Победоносцева и Л. А. Тихомирова кризис правосознания характеризуется как одно из фактических проявлений кризиса духовности в российском обществе, обострившегося в результате конфликта западноевропейских и традиционно русских ценностей и норм. В статье подчеркивается актуальность идей консерватизма в их универсально-антропологической интерпретации в современных условиях построения правового государства и гражданского общества в России.

Ключевые слова и фразы: правовое сознание; кризис правосознания; правовая культура; русский консерватизм; культурно-исторический тип; традиционализм; европоцентризм.

Гусарова Марина Александровна, к. соц. н., доцент
Российский государственный университет правосудия, г. Краснодар
Suriman@mail.ru

ПРОБЛЕМА КРИЗИСА ПРАВОСОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА XIX – НАЧАЛА XX В.

Современные геополитические, экономические, политико-правовые, духовно-нравственные условия развития российского общества требуют переосмысления духовных оснований российской правовой реальности в аспекте их идеологического, культурологического и философского обоснования.

Одним из ярких направлений в истории философской и политико-правовой мысли был консерватизм, влияние идей которого можно наблюдать и сегодня. Так, в лозунгах, призывах, программах политических партий, содержании государственной политики все чаще звучат «нотки» консервативной идеологии, только не в ее первоначальном правовом варианте, направленном на поддержку абсолютной монархии и опору на православную христианскую религию, но в универсально-антропологической интерпретации, см.: [1; 2; 10].

История становления теории консервативной идеологии в России связана с творчеством славянофилов в 40-е гг. XIX в. В философских учениях А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, Ю. Ф. Самарина, братьев Аксаковых выдвигалась идея уникальности социокультурного развития российского общества, пути развития которого виделись славянофилам в обращении к традиционному русским ценностям и нормам. Именно в учениях названных философов проблема кризиса правосознания как проблема внутреннего духовного «раскола» российского общества и российского сознания прозвучала наиболее остро, см.: [4].

Появление новой «волны» консервативных идей было вызвано процессами ломки мировоззрения, возникшей в результате активных изменений во всех областях жизни русского общества, в частности, государственно-правового реформирования во второй половине XIX – начале XX в. Эта «волна» была не просто одной из академических теорий, но имела прежде всего идеологическую нагрузку в процессе кардинальных перемен.

Сторонники консервативных идей, по сути, продолжившие развивать идеи славянофилов, стояли, как и их предшественники, на позициях почвенничества, что нередко дает основание относить их к поздним славянофилам [9, с. 25]. Они представили не только религиозно-философское, этико-философское и культурологическое обоснование названных проблем, как, например, К. Н. Леонтьев, Н. Я. Данилевский и Н. Н. Страхов, но также внесли в них юридико-правовой компонент, например, К. П. Победоносцев и Л. А. Тихомиров.

Следует подчеркнуть, что в учениях Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева проблема кризиса правосознания рассматривалась в контексте теории культурно-исторических типов, а сам феномен российского правосознания – как одно из проявлений социокультурно обусловленной славянской правовой ментальности. Так, Н. Я. Данилевский, опровергая идею векторного развития цивилизаций и принцип евроцентризма, доказывал уникальность исторического пути развития каждой цивилизации, порождающей соответствующие ее духовным основаниям специфические способы и приемы осмысления, осознания правовой реальности, а следовательно, и политико-правовые формы. Подчеркивая значимость для развития российского общества политических и культурных столкновений России с западным миром, Н. Я. Данилевский видел в этом явлении стимулирующий фактор, благодаря которому вырабатываются новые способы преодоления духовных проблем внутри общества и во взаимоотношениях с другими славянскими народами. Философ подчеркивал, что: «борьба с Западом – единственное спасительное средство как для излечения наших русских культурных недугов, так и для развития общеславянских симпатий, для поглощения ими мелких раздоров между разными славянскими племенами и направлениями» [5, с. 29]. Результатом развития политических и правовых взаимоотношений России и Европы, по мнению Н. Я. Данилевского, должен стать духовный «подъем» славянского культурно-исторического типа во главе с Россией. Философ резко заявляет, что «единственное полезное для славянства решение заключается в полном политическом освобождении всех славянских народов и в образовании всеславянского союза под гегемонией России» [Там же, с. 500].

В отличие от Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьев отвергал идею о необходимости создания славянского культурно-исторического типа, что, по мнению философа, может привести к потере Россией индивидуальности. К. Н. Леонтьев писал, что «Россия не была и не будет чисто славянской державой, чисто славянское содержание слишком бедно для её всемирного духа» [8, с. 16]. Для процветания российской государственности в российском правосознании, по мнению философа, необходимо возродить принцип византизма, воплощением которого выступает государственная целостность, аристократизм, самодержавие, эстетизация всех областей жизни. К. Н. Леонтьев писал: «Византийские идеи и чувства сплестили в одно тело полудикую Русь... Византизм дал нам всю силу нашу в борьбе с Польшей, со Швецией, с Францией и с Турцией... Под его знаменем, если будем ему верны, мы, конечно, будем в силах выдержать натиск и целой интернациональной Европы...» [7, с. 99]. Кроме общекультурного влияния, византизм, по мнению философа, способствовал созданию феномена российской государственности, политики и права, кардинально изменив русское политическое и правовое сознание. К. Н. Леонтьев писал, что «Византизм организовал нас, система византийских идей создала величие наше, сопрягаясь с нашими патриархальными, простыми началами... Византийский дух, византийские начала и влияния, как сложная ткань нервной системы, проникают насквозь весь великорусский общественный организм» [Там же, с. 97-98]. Залог успешного существования России К. Н. Леонтьев видел в сохранении русской индивидуальности, суть которой – в простоте жизни и опоре на нравственно-религиозные идеи.

Разделяя взгляды Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева, Н. Н. Страхов строил свои размышления о духовных основаниях российского права и правосознания на противопоставлении Запада и России. Философ критиковал западников за поверхностные суждения о причинах кризисных явлений в российском обществе и поддерживал славянофилов, которые видели саму суть проблемы в духовной культуре. Н. Н. Страхов писал: «Западники желали больше всего прогресса в наших общественных порядках, славянофилы же брали дело гораздо выше и полагали главное в умственном перевороте» [12, с. 253]. Н. Н. Страхов аргументировал подвигующую критику со стороны западников идею славянофилов о двойственности русского сознания тем, что славянофилы глубоко чтит дух русского народа, живущий в массе низших сословий, и порицали высшие сословия как «объевропеившуюся» часть народа. Выход из этой ситуации философ видел в освобождении общественного сознания, в том числе и в области права, от западноевропейского влияния и перенаправления усилий государства и общества на развитие национального самосознания и культуры.

Н. Н. Страхов доказывал идею несостоятельности теории прогресса как атрибута западного общества. Все революционные и военные события XVIII – начала XIX века, происходившие в европейском обществе во имя свободы человека, расширения прав граждан, по мнению философа, не достигли своих целей. В связи с этим Н. Н. Страхов оптимистично оценивал состояние правовых институтов и идеалов в России и видел большие перспективы в развитии российского общественного правосознания. Он писал, что «мы непременно завоюем известные права, непременно добьемся известной свободы, если это право и эта свобода для нас не беспредметны, если они дороги нам по положительным целям, в них содержащимся» [11, с. 187].

Анализируя проблему кризиса правосознания в трудах представителей консервативного подхода, нельзя не обратиться к творчеству великого русского мыслителя, юриста и государственно-политического деятеля К. П. Победоносцева, деятельность и идеи которого во многом определили ход развития правовой сферы российского общества в конце XIX века.

К. П. Победоносцев последовательно отстаивал значимость православной религии как для индивидуального, так и для общественного развития и принцип монархического устройства как исторически обусловленный и оптимальный для России. Критикуя западноевропейскую демократию и парламентаризм, К. П. Победоносцев подчеркивал, что они являются чуждыми российской правовой ментальности, поэтому никогда не будут приняты русским правосознанием, как, например, парламентская система правления и либерализм в его западноевропейском варианте.

К. П. Победоносцев стоял на позициях традиционализма и предостерегал сторонников социальных перемен и преобразований от успешных и необдуманных действий в процессе реформирования общества. В одной из своих работ он писал: «Старое учреждение тем драгоценно, потому незаменяемо, что оно не придумано, а создано жизнью, освящено в народном мнении авторитетом, который дает история и одна только история. Ничем иным нельзя заменить этого авторитета, потому что корни его в той части бытия, где всего крепче связываются и глубже утверждаются нравственные узы – именно, в бессознательной части бытия. Напрасно полагают иные, что можно заменить его сознанием идеи вновь введенного учреждения, которое желают привить к народной мысли... Для массы недоступно такое сознание; масса усваивает себе идею только непосредственным чувством, которое воспитывается и утверждается в ней историей, передаваясь из рода в род, из поколения в поколение. В глубине старых учреждений часто лежит идея глубоко верная, хотя и закрытая иногдa множеством внешних наростов, форм, утративших свое первоначальное значение...» [Цит. по: 6, с. 295].

Находясь на службе в канцелярии Сената, К. П. Победоносцев часто сталкивался с несправедливостью судебной системы России, злоупотреблениями служебными полномочиями и низким уровнем правовой культуры ее служителей. По мнению К. П. Победоносцева, причины этой проблемы заключались в чрезмерном разрастании бюрократии, личного принципа управления, но, прежде всего, в несовершенстве российского законодательства. В одной из своих работ он писал: «Нет такого справедливого дела, которое не могло бы быть проиграно; нет такого незаконного дела, которое не могло бы быть выиграно, потому что нет твердых начал, по которым законное отличается от незаконного» [3, с. 137-138]. Отсюда, как считал, К. П. Победоносцев, вытекают негативные явления правовой жизни, как, например, правовой нигилизм и недоверие народа к представителям власти и их действиям.

В учении Л. А. Тихомирова проблема правового сознания также раскрывается в контексте сравнительного анализа особенностей социокультурного и политико-правового развития России и Запада. Л. А. Тихомиров первоначально поддерживал революционеров, но позднее стал одним из ведущих теоретиков государственно-монархической идеи и критиком социализма. Обосновывая целесообразность для России эволюционного развития, Л. А. Тихомиров признавал, что любые перемены без подготовки общественного сознания приводят не к прогрессу, а к террору. В одной из своих работ он обосновывал важность постепенных действий с опорой на культурно-исторические традиции в процессе реформирования социально-правовой сферы. В качестве примера Л. А. Тихомиров привел факт последовательного влияния на развитие российской правовой культуры и правового сознания языческого строя и языческой идеи, византийского самодержавия и христианства, монгольского Востока, польского строя и западноевропейских идей. В самом правосознании ученый видел «живую» силу, направляющую развитие социума, государства и права, и писал по этому поводу следующее: «Законы общественности, суть не что иное, как законы кооперации чувств, хотений и представлений особей, вступающих в общественное между собой взаимодействие... Но не всякая кооперация представляет собой некоторое направление в одну сторону этих разнообразных и противоположных чувств, хотений и представлений, то есть сама по себе представляет некоторую направляющую силу, другими словами, некоторую власть» [13, с. 14]. Далее он конкретизировал свою мысль тем, что «законы общественности, а стало быть, и гражданственности, и политики развиваются из психического источника» [Там же]. Этот сложный комплекс психических элементов – чувств, желаний, представлений – есть один из главных элементов правового сознания и в правовой теории XX в. получил название правовой психологии. Идея государства, права и власти, по мнению Л. А. Тихомирова, изначально присутствует в правовом сознании, а реальный социально-правовой порядок есть результат реализации этой идеи под влиянием исторических условий. Примером этому может служить идея монархии и самодержавия, которая сформировалась под влиянием византийской культуры и отвечала народному правосознанию. Идея правды и справедливости как воздаяния каждому должного изначально была языческой, исконно присущей славянскому сознанию, поэтому с принятием христианства в 988 г. она органично трансформировалась в христианскую идею правды, таким образом, по словам Л. А. Тихомирова, традиционные русские правовые идеи естественно вытекали из народного сознания, «давались жизнью древней Руси» (см.: [Там же, с. 219]).

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что в учениях русского консерватизма второй половины XIX – начала XX в. не было единства ни в предмете исследования, ни в методологии. Однако проведенный анализ взглядов их наиболее ярких представителей дает основания полагать, что и философы,

и культурологи, и правоведа видели причину возникших в российском обществе названного периода проблем, прежде всего, в духовном кризисе, одним из фактических проявлений которого был кризис правосознания.

Таким образом, главной особенностью русского консерватизма второй половины XIX – начала XX в. является, по нашему мнению, экстраполяция правовой проблематики в сферу национальной духовной культуры, выявление взаимосвязи нравственного и правового сознания, поддержка культурно-правового традиционализма, понимание национального правосознания как источника права. В философских и культурологических учениях К. Н. Леонтьева, Н. Я. Данилевского и Н. Н. Стрехова, в социально-правовых учениях К. П. Победоносцева и Л. А. Тихомирова соответствием любых социальных изменений российскому правосознанию выступало критерием справедливости и обоснованности государственных действий. Основываясь на идее признания уникальности пути культурно-исторического и общественно-правового развития России, консерваторы предохраняли государственную власть от необдуманных заимствований элементов западноевропейской духовной жизни и, напротив, призывали к сохранению традиционных черт общественного уклада жизни как главных общественно-правовых ценностей, глубоко укорененных в российском правовом сознании. Только при выполнении этих условий, по мнению русских консерваторов, решение проблемы духовного кризиса из идеальной сферы теоретических взглядов может перейти в реальную практическую сферу.

Нельзя не обратить внимание на то, что идеологические, культурологические и философские аспекты правовых проблем, представленные в теориях русского консерватизма второй половины XIX – начала XX в., приобретают в сегодняшних реалиях «второе дыхание». Естественной реакцией российского государства на глобализационные процессы является возросший интерес к национальной культуре и подъем национального самосознания. Мировые интеграционные процессы в области права актуализировали значимость традиционных правовых форм, органично соответствующих природе российского правосознания. Становление гражданского общества также, на наш взгляд, невозможно без обращения к правосознанию, в котором отображаются представления о праве и правовых явлениях как о фактически существующих, но, кроме того, в недрах правосознания формируются идеальные модели права как должного. И, наконец, в условиях конституционно закрепленного идеологического плюрализма потребность в исследовании сущности и перспектив идеологий, исторически сложившихся и обоснованных в отечественной философской, культурологической, политико-правовой мысли, приобретает объективный характер.

Список источников

1. В «Единой России» призывают воспитывать правосознание и правовую культуру [Электронный ресурс]. URL: <http://er.ru/news/108996/> (дата обращения: 22.01.2017).
2. В Москве обсудили вопросы правового воспитания молодежи [Электронный ресурс]. URL: <http://er.ru/news/149312/> (дата обращения: 22.01.2017).
3. Голоса из России. Сборники А. И. Герцена и Н. П. Огарева: в 4-х вып.: в 9-ти кн. М.: Наука, 1974-1976. Вып. 3. Кн. VII. Победоносцев К. П. Граф В. Н. Панин. Министр юстиции. 490 с.
4. Гусарова М. А. Проблема духовных оснований русского правосознания в социально-философских учениях славянофилов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 11 (73): в 2-х ч. Ч. 2. С. 88-90.
5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
6. Константин Петрович Победоносцев в воспоминаниях современников, речах и письмах / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2016. 624 с.
7. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство: сборник статей: в 2-х т. М.: Типография «И. Н. Кушнерев и К.», 1886. Т. 1. С. 81-261.
8. Леонтьев К. Н. Панславизм и греки // Леонтьев К. Н. О панславизме: сб. работ. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 8-34.
9. Малявин С. Н. История русской социально-философской мысли. М.: Дрофа, 2003. 256 с.
10. Партия подчеркивает значимость социальной миссии культуры [Электронный ресурс]. URL: <http://er.ru/news/143620/> (дата обращения: 22.01.2017).
11. Страхов Н. Н. Борьба с Западом в нашей литературе: в 3-х т. СПб.: Типография бр. Пантелеевых, 1882. Т. 1. 394 с.
12. Страхов Н. Н. Наша культура и всемирное единство: замечания на статью г. Вл. Соловьева «Россия и Европа» // Русский вестник. 1888. № 5-6. С. 200-256.
13. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. Изд-е 4-е, репринт издания 1968 г. СПб.: РИС-О; А/О «Комплект», 1992. 680 с.

PROBLEM OF SENSE OF JUSTICE CRISIS IN PHILOSOPHY OF RUSSIAN CONSERVATISM OF THE XIX – THE EARLY XX CENTURY

Gusarova Marina Aleksandrovna, Ph. D. in Sociology, Associate Professor
Russian Academy of Justice in Krasnodar
Suriman@mail.ru

This article discusses ideas of representatives of Russian conservatism of the second half of the XIX – the early XX century about nature of the sense of justice crisis. By the example of K. N. Leontiev's, N. Ya. Danilevsky's, N. N. Strakhov's, K. P. Pobedonostsev's and L. A. Tikhomirov's views the crisis of sense of justice is characterized as one of factual manifestations of the crisis of spirituality in the Russian society, which became aggravated as a result of conflict of western and traditional Russian values and norms. The paper highlights relevance of ideas of conservatism in their universal-anthropological interpretation in the present conditions of formation of the legal state and civil society in Russia.

Key words and phrases: legal consciousness; sense of justice crisis; legal culture; Russian conservatism; cultural-historical type; traditionalism; Eurocentrism.